

*Все события и герои романа
вымышлены, совпадения случайны.*

Глава 1

Ася долго торговалась и наконец встретила продавца в метро. Огромный детина со взглядом ребенка и румянцем на белых щеках передал ей нечто похожее на сейф для не крупного огнестрела. Ася стянула картонную коробку с черной лаковой шкатулки, распахнула ее, словно шкаф с двумя створками, и издала сдавленный звук, который никто не услышал за грохотом прибывающего поезда. В шкафчике, как в гробу, внутри дорогого драпированного шелка покоился флакон с темно-коньячной жидкостью и квадратной крышкой в крупных черных кристаллах.

— По-моему, воняет ужасно, — заговорил парень, но она его не слышала.

Вцепившись мертвой хваткой в шкатулку, не реагируя на неловкого продавца, помогающего придержать коробку, она осторожно начала выковыривать из гроба стеклянного затворника. Флакон поблескивал от тусклого света подземки. На золотой табличке было выгравировано *De la nuit 2 Roja*¹. Доверив шкатулку розовощекому, Ася сняла хрустальную крышку и сделала пшик на запястье. Та-да-а-ам! На кла-

¹ *De la nuit 2 Roja* — название элитных духов одного из самых дорогих парфюмеров современности Roja Dove.

виши опустились огромные руки Рахманинова, вдох, и сольминорная прелюдия заглушила рев несущихся навстречу друг другу поездов, человеческий гомон и демонический вой сквозняков Московского метрополитена. Ася оторвалась от перрона и полетела в потоке мощного многоголосья древесно-амбровых аккордов, подсвеченная цветочно-пряным нимбом и буквально разрываема на миллиарды маленьких Ась животнo-спермовым мускусом, стираксом и кастореумом¹.

— Фу-у-у. Как такое можно нюхать? А я вот собираю кроссовки Адидаc. У меня их сто девять пар. Даже с Олимпиады-80 есть.

— Что? — Ася спустилась на землю. Рухнула с сольминорного облака на мраморный перрон. Полезла в сумку, достала четыре заготовленные пятитысячные купюры.

— Ваще не понимаю, как можно заплатить за это говно сто косарей в магазине. Маме подарили, она учительница. Готовила одного дебила к экзаменам. А это его родители всучили, лучше бы бабки в конверт положили, ей-богу. А вам че, нравится?

— Это — шедевр, — забормотала Ася, на лице ее всплыла блаженная улыбка. — Здесь больше ста пятидесяти компонентов, здесь мускус натуральный. И струя бобра тоже натуральная. А их запрещено уже всем парфюмерным домам использовать, кроме него. — Ася замолчала, будто боялась произнести имя парфюмера всуе.

— И вы этим будете поливаться? — спросил дедина.

¹ Стиракс и кастореум — компоненты духов, выделенные из физиологических жидкостей животных.

— Нет, что вы, это совсем не носибельно. Это для коллекции. А вы кроссовки только своего размера покупаете?

— Не, не только. Где ж я сорок второй возьму, например, тридцатых годов? Тоже для коллекции собираю. Но они хоть не так воняют, как этот... шедевр. — Он засмеялся своей шутке.

Ася представила ряды ношенных кроссовок и подумала, что запах пота мужских ног можно было бы передать, например, сочетанием землистых пачули, шафрана, мускуса и жасмина. Да, такого индольного жасмина в духе винтажного «Джоя» Жана Пату¹. Кстати, еще пару лет назад, когда Ася только начала вливаться в жиденькие ряды парфманьяков (точнее, в среду этих безумных интровертов, которые сидят на форумах под аватаркой какой-нибудь бабочки или чау-чау и выдают свои «фу» той или иной новинке, благоговей при этом от «того еще Герлена, ты же помнишь»), слово «индольный» казалось ей прилагательным чего-то чистого и звенящего, как новогодний колокольчик, «дол-ин-дол-ин-дол». Но позже выяснилось, что эти циники так романтично обозвали привкус эдакого дерьмеца в аромате. «Ах, мне здесь слегка индолит» — означает запах кучки испражнений под благоухающими кустами и деревьями. Вкрапления нечистот, спермы, пота, крови, засаленной кожи в райских кущах всегда особенно будоражили носы этих странных людей. «Фу, компот, нет изюминки», — говорили они на аромат, не содержащий в себе ничего порочного.

Ася стала остро чувствовать запахи, когда потеряла вкус к жизни. Впрочем, и в детстве в ее восприятии

¹ «Джой» Жан Пату — духи Joy Jean Patou, созданные в 1930 году.

сначала возникало ощущение влажной кожи, чернозема, белой краски, а потом ей в лицо летел новенький футбольный мяч с комом земли из-под носка лысого, как гуманоид, Владика — соседа по даче. Или, приезжая на каникулы в Москву, она любила, стоя на незнакомом перекрестке, закрывать глаза и по запаху угадывать, в какой стороне ближайший вход в метро: из пасти переходов столичной подземки шел особый воздух — смесь железной дороги, мраморных стен, пыльных люстр, колоннад и огромного разношерстного людского толковища. Но раньше Ася не придавала этому большого значения. Мир вокруг был полон картинок, прикосновений, желаний, помыслов, событий. Мир вокруг был центробежен и устремлялся к Асе, хотела она того или нет. А потом, вдруг или постепенно, Ася как-то проворонила этот момент, круглый мир сменил траекторию вращения, отесняя Асю к краю, а затем и вовсе переставая соприкасаться с этой девочкой, девушкой, тетенькой в очках и оттопыренными ушами.

Глава 2

Славочка гневно ткнул головкой смычка в спину пианистки, а потом шмякнул по нотам перед ее носом.

— Фальшивишь! — почти взвизгнул он, передернувшись.

Она не обернулась, только стиснула зубы. Славочка не терпел фальши, он чувствовал неверную ноту всем телом, его прошибало током от горла до пятки, и было втройне обидно от того, что для него, пятиклассника, новогодний школьный концерт — нечто особенное, а эта четвероклашка будто отбывает наказание. Он брезгливо посмотрел на ее руки. Крупные кисти,

которые так хвалили в коридорах учителя («Какие руки! Полторы октавы! Рахманинов в юбке!»). Тыльная сторона ладони была покрыта красными и расцарапанными цыпками, как спина старой жабы, обляпанная бородавочной коростой. Какая мерзость, человек с такими руками не должен быть музыкантом! Его собственные белые кисти с длинными пальцами и утонченными ногтями не имели ничего общего с этим убожеством. Славочка вздохнул, приставил скрипку к бархатной подушечке под подбородком, взмахнул смычком и раздраженно рявкнул:

— С третьей цифры!

Дарья Сергеевна, пристукивая сапожком о сапожок от холода, всматривалась в морозное окно, откуда доносилась скрипка ее сына. Она всякий раз замирала, видя, как изящно он вскидывает смычок, и представляла его слегка покрасневшие пальцы, скользящие по грифу, и натянутый конский волос, мечущийся по струне. Представляла, потому что видеть этого уже не могла: окно класса хоть и было на первом этаже, но все же довольно высоко от земли. Она всегда тайком от сына приходила послушать его уроки, благо жила неподалеку и обычно в обед возвращалась из магазинов. Поставив авоську с батоном и двумя бутылками кефира на снег, Дарья Сергеевна мечтательно закрывала глаза и думала: как же хорошо, что сшила Славочке эту подушку на шею: выкроила из затертой бархатной юбки ладные куски, оторочила черным атласом, обрезки которого незаметно ухватила в соседнем ателье, и посадила на тонкую черную резинку из мужниных трусов, закрепив на шее позолоченной застежкой от старой театральной сумочки. Эта подушечка выгодно отличала сына от скрипачей-одноклассников, у которых упором для инструмента служила пористая

мочалка-губка, что продавалась в хозтоварах. Когда они собирались вместе на концертах, сразу было видно, у кого большое будущее: Славочка казался на голову выше остальных, стоял с прямой спиной и вскинутым подбородком, со стрелками на брюках, в отутюженной накрахмаленной блузке. В кого сын имел такую статью, Дарья Сергеевна не могла даже и предположить. Ее родители и четверо братьев были коренастыми деревенскими крепышами, плечистыми и коротконогими. Муж в молодости, возможно, и казался высоким и ладным, но последние десять лет пьянства вытравили из него всю красоту, а из нее — даже память о том, каким интересным он был женихом. Одно раздражало Дарью Сергеевну: Славочке снова в качестве аккомпаниатора дали эту дурацкую Аську. Ведь ходила она к учительнице, просила по-хорошему и по-плохому: Любу, дайте ему Любу, светловолосую и тонкую нимфу, они же так ангельски смотрятся вместе. «Не держит ритм ваша Люба», — огрызнулась тогда скрипачка Алла Ивановна и просочилась через Дарью Сергеевну, перегородившую высокой грудью коридор, как сквозь шифоновую занавеску.

Ася держала ритм, как атланты небо. Поэтому во всех ученических ансамблях ее сажали «на басы» за фортепиано (если это был коллектив из четырех пианистов) или же аккомпаниатором под скрипачей, ведущих главную партию. Асе доставалось унижительное «ун-ца — ун-ца». К уроку под названием «аккомпанемент» она не готовилась в принципе, читала с листа и изнывала. Славочка бесил ее больше остальных. Он был, безусловно, поцелован. Такая точеная шахматная фигурка, которую с любовью достали из человеческой глины. Из этого же месива, впрочем, была извлечена и Ася, может, не столь трепетно и изящно. Но в ней сразу

забилося сердце, а от него даже не исходило никакого запаха. Славочка был похож на крупную бабочку, которую природа забыла разрисовать красками. Идеально вырезанные крылья без цвета и той живой пудры, сдунь которую, и бабочка не смогла бы летать. Пожалуй, его пудрой была музыка, он играл очень нервно, судорожно. Ася всегда раздражалась, слыша его этюды или отрывки пьес, но потом, сама того не желая, долго прокручивала скрипичную тему в голове. Именно в его, Славочкином, исполнении. Когда музыка заканчивалась, он вновь становился бесцветным, несмотря на начищенные ботинки и эту вызывающе роскошную подушечку под подбородком. Его мама — крупная женщина с тонкой талией и высокой острой грудью всегда была в поле зрения. Она приходила на все зачеты и экзамены, все время спорила о чем-то с учителями в узком коридоре музыкальной школы, ходила с сыном за руку по одним и тем же улицам, попадалась в очередях в одних и тех же магазинах. Она пахла за жаркой, «Красной Москвой» и нафталиновым пальто. Возможно, эта Дарья Сергеевна была и красива: крупные губы, хорошо отцентрированный нос, вскинутые артистические брови. Но темные глазки перебирали этот мир, как деревянные счеты, ловко взвешивая для себя все нужное и презирая все неподходящее. Однажды зимой, когда Ася возвращалась из школы после шестого урока и по привычке остановилась у соседнего дома покормить подвальных кошек, они пересеклись со Славочкой и Дарьей Сергеевной. Ася вываливала из целлофанового пакета куски маминых беляшей, стянутых из холодильника, сосиски из школьной столовой, замоченный в супе хлеб и варенное в нем же мясо с жиром (фу-фу!). Пять кошек металась у нее под ногами, предвкушая трапезу. Они знали, когда у Аси за-

канчиваются уроки, и со всего подвала неслись ближе к вентиляционной дырке, чтобы успеть урвать кусочек. Сидя на корточках и глядя ободранные головы, бодающие ладонь, Ася почувствовала пристальный взгляд. Неловко обернулась, висевший наперекосьяк ранец соскользнул с плеча. Пробормотала «здрасьте». Дарья Сергеевна не ответила. Ее глаза были острыми, застывшими, заледеневшими. В буквальном смысле отмороженный Славочка (на улице было минус двадцать) стоял безжизненной молью, посверкивая алыми ушами из-под рыжей пыжиковой шапки. Ася затолкала пустой пакет в ранец, растерла ладони снегом, натянула жесткие варежки и, морщась от боли — цыпки дико саднили, — поспешила домой.

— Мам, пойдем, холодно, — сказал Славочка.

Дарья Сергеевна не двигалась с места. Перед глазами стояла послевоенная помойка возле городского мясокомбината. Они с подружкой Надькой среди дюжины оборванцев выжидали за сугробами, когда тетя Таня по прозвищу «Жиртрест» в два часа дня придет и сбросит с плеча два холщовых мешка. Кряхтя и беззлобно матерясь, она развязывала веревку и вываливала на помойку отходы своего цеха — все, что осталось от свиных и говяжьих кишок, прошедших несколько варок. Как только Таня-Жиртрест скрывалась за поворотом, ватага грязных детей кидалась на зловонную кучу, напихивая в рот, мешки, карманы неприглядные трубчатые куски. А дальше шли домой и смеялись с набитым ртом: кишку можно было сосать как угодно долго, она сохраняла мясной вкус, пока не превращалась в жеваную бумагу, которую смачно сплевывали на снег.

— Мам, пойдем, Катюшу из садика нужно забрать! — Дарья Сергеевна очнулась, и они отправились в детский сад.

Ася иногда встречала их втроем. Рядом со Славочкой и его мамой шла блондинистая кудрявая девочка, копия своего брата, только раскрашенная всеми цветами радуги: в яркой вязаной шапочке, с голубыми глазами, алым ртом и сияющими щеками. Она держала Славочку за руку и смотрела на него снизу вверх с безусловной любовью. В этот момент часть радуги проецировалась на Славочку, он вытягивал губы и чмокал воздух, посылая ей поцелуй. Похоже, они любили друг друга. Между ними был невидимый связующий канат. Такая же мощная пуповина тянулась от Дарьи Сергеевны к Славочке. А вот между мамой и дочкой ниточка была совсем прозрачной.

Позже, уже в старших классах, когда Ася слышала сольные концерты Славочки (он единственный из всех городских дарований играл с местным симфоническим оркестром), ей казалось, он черпает вдохновение только от ярких щечек и незабудковых глаз своей сестры. Потому как все остальное в этом мире не вызывало у него никаких эмоций. Он снисходительно принимал аплодисменты немалого зала городской филармонии и вспыхивал короткой и яркой нежностью только в тот момент, когда Катюша поднималась на сцену и дарила ему букетик простеньких цветов.

В день окончания Асей музыкальной школы на экзамен в качестве гостей были приглашены преподаватели местного музучилища и Славочка, почетный выпускник школы и почетный же студент самого училища, которого ввиду гениальности взяли сразу на второй курс. Ася играла Баха, Шопена, Рахманинова. Она выросла и к маю была уже потемневшей от загара. Выгоревшие завитки светлых коротких волос (странно, раньше у нее были косы) смешно прикрывали оттопыренные уши и трогательно ее украшали. Она подо-

шла к роялю, несуетливо убрала с сиденья лишнюю подставку, села, долго отодвигала и придвигала стул, как кошка, уминающая себе место перед сном, поставила загорелую ногу на педаль и опустила руки на клавиши. Славочка заволновался. Персиковые нежные руки, изумительная кожа (где же цыпки?), мощные рахманиновские аккорды, шепот педагогов: «Какая редкая музыкальность, какие эмоции!» Он попытался сглотнуть комок в горле, но не смог, так и просидел до конца ее программы, разрывааемый досадой и завистью, восхищением и ненавистью одновременно. Ася закончила. Встала, легко поклонилась и вышла из зала с непостижимой ему отстраненностью, будто экзаме́н был для нее не ключевым этапом, а рядовым событием. За этим спокойствием не замечалось труда, она, свободная птаха, просто перепорхнула с ветки на ветку. Пока подводили итоги, выпускники толпились в узком коридоре. Славочка вышел вместе со всеми, достал пачку «Мальборо» и вытянул губами сигарету.

— Привет, Славец! Красивое курево! Как там пахнет, в музшараге? — В школе еще остались старые приятели.

— Помаленьку, — сквозь сигарету процедил Славочка и отправился на улицу.

Ася стояла с девочками, что-то обсуждала, смеялась, потом резко повернулась и скрылась за углом дома. Славочка пошел за ней, схватил за руку.

— Ты куда?

— В «Природу», там новых рыбок завезли. — Она двинулась по направлению к магазину «Природа», расположенному в том же доме, что и музыкальная школа. Славочка прибавил шаг.

— Результаты пропустишь, — не вынимая сигареты изо рта, сказал он.

— Девчонки позовут. — Она потянула на себя тяжелую дверь со стеклянными вставками. Славочка, поспешно докурив, зашел за ней внутрь.

В квадратных аквариумах вдоль стены плавала всякая живность. Толстая продавщица с химической завивкой на голове кивнула Асе как знакомой.

— Привезли? — спросила Ася.

— Золотых пару, — ответила она.

— Где?

— Вон там, в крайнем.

Ася зашла в пространство между прилавком и аквариумами. Было видно, что она завсегда тай. Славочка шагнул за ней.

— Куда, молодой человек?! — Продавщица перегородила проход.

— Он со мной, тетя Валь.

— Следи за ним, отбегу пописать. — Тетя Валя те-ребила грязноватый фартук.

Они оказались в узком коридорчике между аквариумными стеллажами. Ася прижалась носом к стеклу. К ней подплыла желтая толстая рыбка и хапнула ртом воздух. Славочка пытался уместиться за ее спиной, неуклюже уперся копчиком в прилавок, поравнялся глазами с Асиным затылком. Она положила ладонь на стекло и постучала пальцем. Желтая толстуха метнулась к ее руке.

— У тебя были цыпки. — Его дыхание обожгло Асе шею.

— Врачи сказали, слишком нежная кожа. Чуть холод, сразу трескается.

Ревели компрессоры, на поверхности воды, как газировка, лопались пузырьки воздуха, пахло водорослями, ряской, сухим рыбьим кормом. Комок в Славочкином горле застрял намертво, сердце переместилось